

Пробежка

1

Что могло — облетело само с дерев.
Что осталось — только весной,
На морозе Введенском обледенев,
Переломится на Страстной.

Ливень лил всю ночь, и что мог, он смыл,
Пощажённое до сих пор.
Тот, кто мнит, будто время имеет смысл,
Не врубается в разговор.

Тот, кто мнит, будто времени нужен счёт,
Тот не знает, о чём и речь.
Ничего в нашем деле он не сечёт,
И позволено им — пренебречь.

...На десной кроссовке проверь шнурок —
Развязался. Разуи глаза:
Кто сказал, что разлуке положен срок,
Тот не смыслит в ней ни аза.

Отдохни, дорогой, — и труси в поворот.
Задержись на последнем кругу.
Тот, кто врёт, что разлука его не берёт,
Тот напрасно гонит пургу.

На что другим отведён был час,
Нам — вся жизнь, что немалая честь.
Тот, кто мнит, что разлука смирила нас,
Тот не ведает — кто мы есть.

Хоть грунт ещё влажен, да иней — бел.
Хоть клён ещё полон, да лист его — ал.
Хоть не помню я толком, чего хотел,
Зато знаю твёрдо, что не поймал,

Не словил. Ни денег, ни славы, ни чёрных крыл,
Вознесённых над сонмами вражьих рыл.

И покойный Иосиф, что с Morton Street,
Нечто в этом роде мне говорит.

Он всё чаще и чаще приходит ко мне,
Хоть гони его в дверь, он влетит в окно:
— Ты прости, старик! Передай жене,
Что, мол, вот какое был я говно, —

Как в том анекдоте. И тебя утопил,
И меня оприходовал медный таз.
Я любил твою прозу, а тебя — не любил:
Ты был наглый — и нарвался на этот раз.

Но тебе я просодийку внаймы сдал —
С перебросом слов и приплясом крыш,
И наделом нью-йоркским тебя поверстал —
Ибо твёрдо знаю, что ты простишь

За тот раз, что я, словно Вечный Жид,
Бортанул тебя крепко, да ещё как!..

...Вот он — рядом со мною трусцой бежит,
Оправляя мокрый гнилой пиджак.

На татуированный портрет героя

Андрею Рюмину

Прелестница в золотой соколке,
Сколь неслучайны эти встречи! —
Ты ведаешь ли суть наколки,
Что на твоём видна предплечье?

Там полубог вполоборота
Очами чудными ярится,
Под самый бивень вертолёта
Устремлена его десница

Движением почти балетным
Во сретение бранной славы.
И грезит боем он последним,
Решительным, святым и правым,

Проигранным, неутолённым
И отменённым без приказа;
Калашниковым раскалённым,
Взыскующим боезапаса.

Кто ж он? Герою честь и место.
Сама судьба забуксовала,
Чуть преградил ей путь Эрнесто —
Эль Команданте Че Гевара.

Се, имя грозное. Доспеха
Противоатомного паче.
Символ роскошный неуспеха,
Великолепной неудачи,

Блистательного недолёта
Погибельное ликованье.
Как бы алмазный Знак Почёта,
Привинченный к смертельной ране.

Знамён пленительная алость —
Рабов извечных неключимость.
О, право слово! — мы старались,
Но ничего не получилось.

ИЗ СОНЕТОВ

На хамсин во Св. Граде

О, грады, гдѣ торги...
Михайло Ломоносовъ

Так солон прах во Иерусалиме,
Так золотой хребет его щербат,
Что ни шербет в зелёном каолине,
Ни кофе тяжкий — нас не отрезвят,
Но жажду подчеркнут неуголимей.
Вот — погасает слюдяной закат:
Не видят гор ни кади, ни аббат,
Ни фарисей в молебной пелерине.

Коснись камней — и высохнет рука.
Глава дурная — ком известняка
С гашишною цыгаркою в провале
Чумного рта: «А ну-ка, покатись!
По Городу, где верх — под самый низ,
Где жизнь и смерть мы равно потеряли».

NewYork Underground Transportation Authority

(На кончину И. А. Бродского)

Скажи мне, кто ты есть — неладный мой сосед:
Бакинский сутенёр? Пекинский побродяга?
Ростовский каннибал? — Ты спишь, ответа нет,
И застит лик тебе газетная бумага.
Усталость — нам от Господа Живаго
Блаженный дар: кто сатанинский свет
В очах смирит? — кто голову пригнёт
Жестоковыйному? И ты устал — во благо.

Взгляни: вот ефиоп играет на ведре,
а пьяный папуас в обильном серебре
и рваном бархате — ему внимает с плачем.

Вот где б тебе, Поэт, проехаться хоть раз.
Но ты в иную даль, в иной подспудный лаз, —
чистилицным огнём, скользишь, полуохвачен.

Монолог из неоконченной трагедии «Смерть семинариста»

Не обессудь. Я знамения ждал,
Я казни ждал, а Ты меня не тронул.
Я Кремль Московский, что свечной шандал,
В Твой кроткий Лик швырнул. А Ты и тронном
Не проскрипел. Откройся, Божий дар,
Оспорь меня трезубцем изошрённым!
Вся саранча досталась фараонам,
Что ж мне Ты кары никакой не дал?

В Староконюшенном, где карлица слепая
Утешила меня, сказав: «Я верно знаю —
Ты победишь...».

Прочёл я сонмы книг,
Но главное — открылось мне сегодня:
Сколь медленны вы, мельницы Господни.
Сейчас умру. До сердца яд проник.

На 22 июня 1941 года. Эпитафия

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!..
Гаврииль Державинъ

Ещё немного — и мы здесь никого не застанем
В живых. Но тайну сию велику Единый ведаёт Бог:
Се Росс, весёлый и храбрый, вышел на поле брани,
Принял он бой неравный — и победил. Как мог.

Се Росс — и его победы гром, вдали замирая,
Не оскорбляет слуха соседского, ибо сроки прошли.
Се Росс — и его могила, чёрная и сырая.
В её головах — чекушка. В ногах её — костыли.

А на груди у Росса — медали, медали, медали.
А на плечах у Росса — пара солдатских погон.
Или штаб-офицерских? — Майора ему не дали.
Он победил, встрянувшись — и тотчас же вышел вон.

Теперь его не догонишь. Да если кто и решится,
Да если вдруг и догонишь — то всё равно не возьмёшь
И не поймёшь его, дерзкий. Се — Росс,
кавалер и рыцарь.
Стой, где стоишь, злополучный! — Да и решится кто ж

Настичь его, уходяща? Кто возомнит, что достоин
Взойти во смоленское пламя — и выйти на невский лёд?
Се — Росс, врагов победитель, христолюбивый воин
Глядит на тебя, прохожий, и в морду твою плюёт.

Так ли прежде со мною бывало?
Помолился — и тотчас уснул:
Хоть во чреве китовом вокзала,
Хоть почётный неся караул.
Развенчались державные скрепы,
И во снах моих — где ни приляг —
Детсадов обещанных лепет
Городов обесточенных лязг.

Киевский вальс 2014 года

Бог тебя наказал до последних, засечных камней,
Не щадя куполов, что ворованным трачены златом.
Первозванный Рыбарь не побрезговал банькой твоей,
Но тебя — не отмыть ни огнём, ни водою, ни адом.

Всех простят и утешат. Отпустят им вечного сна.
Тем, что Мёртвое море втянуло отравленным илом, —
Всем отмоленным быть. А тебе — не подняться со дна,
Не уснуть, не проснуться, не встать никогда из могилы,

И не быть похоронену. Это ль не гребаный стыд?
Никого не нашлось твоему воспротивиться тлену.
Только гетман Ивашка на «мерине» чёрном летит —
По дороге обугленной мчится в родную геенну.

Даже он тебя предал. И ты остаёшься — один.
Словно снайпер безглазый, прицелом
ведёшь по карнизу.

И на тело твоё из оконца мы молча глядим,
Где английскою красною тронуло ночь исподнизу,

Где каштаны по-русски лопочут, а злой пулемёт —
По-хазарски хрипит, издыхая у дальних заборов,
Где в поруганном граде — любезная сердцу живёт
И спасает бродячих собак от твоих живодёров.

На 28 января/ 10 февраля 1837 года

Доктор Арндт — подносит йод.
Наташа — морошку,
И в уста ему сует
Золотую ложку.
Задичал весенний сад
Ганнибальской мызы.

.....

В щепоти его зажат
Край Господней ризы.

На пребывание в Санкт-Петербурге

Расскажи мне, мой друг, — что владело тобою во сне?
Это многое значит.
Что встревожило-встретило бедное сердце — *извне*,
Почему оно плачет?

Извнутри сохраняет, чтоб нам не смущаться двоим,
Плод Едемского древа.
Он теперь затаился под шёлковым спудом твоим:
Как положено, — слева.

Если вдруг прикоснуться к нему и шепнуть: «Отрави...»
Он ответит: «Не трогай».
Нам с тобою предложено вместе отведать любви —
Перед дальней дорогой.

Это стоит усилий? — Да разве я знаю? Молчи,
Притворись иностранкой.
Наше лучшее чёрное мы надеваем в ночи —
И летим над Фонтанкой!

Где плывут, одурманены дымом заморской травы,
Колоннады и своды,
Петербургские звери — крылатые смиренные львы
Ниневийской породы.

Танго в гостинице N

Ты откуда умеешь такие слова
Так прощально и весело произнести,
Что в одно мгновенье сторит Москва?
И свечи копеечной — не поднести.

Впрочем, нет в свече никакой нужды.
Да и пламя — невидимо никому.
Оттого безнаказанно можешь ты
Предлагать мне взамен — кромешную тьму,

Напевая, что вот он — единственный свет,
На который позволено мне уповать.
Чтобы я заслушался — а в ответ
Не пытался тебя затащить в кровать,

Но при этом, спасаясь от злой любви,
Не порвал бы цепь, не украл ключи.
Только ты осторожней меня трави.
Исхитрюсь — и настигну тебя в ночи.

Потому что обучен я — долго ждать,
Не смыкая карих, гадючьих глаз.
И владею даром — тебя прощать
До семижды семидесяти раз.

ИЗ «ХАРЬКОВСКОГО»

На памятник Тарасу Шевченке в Харькове

Станиславу Минакову

Тем, кто помнил меня молодым
дурогоном застольным в пельменной:
забывайте. — Исчез, яко дым,
яко воск от лица автогенной

сварки Божией, — тако дотла
расточился, до брэнного пара —
и завис над Московской — с угла
на Сумскую, где мама упала,

оскользаясь на камнях каблуком
босоножки немецкого лака;
но меня удержала.

Потом
все дивилась, что я не заплакал.

.....

Любо мне замирать на весу,
по плеча выходя из тумана,
и хулить, что увидел внизу,
на манер усача-хохломана —

сей застыл, обалдев с бодуна,
где велел иудейский ваятель,
а к нему простирают со дна
металлический трупик дитяти,

эспадроны, серпы да снопы,
безкозырки, папахи да шлемы;
так и нам.

Уклонясь от судьбы
страха ради — под мрамор эмблемы,

в чёрный щебень забив якоря,
пробывать бы в понуром дозоре
и глядеть — как житейское море
воздвигается зря.

К паспортной фотографии Р. Г.: 1963 год, Харьков

Полированный куб на треноге
И с моноклем немецким во лбу
Открывает огонь по тревоге,
Упредить полагая судьбу.

Чтобы ты в безрассудной отваге
Не рванула шелко́вую сеть,
Чтоб тебя на особой бумаге,
На эмульсии — запечатлеть,

Фотовспышкой сигнал подавая,
Чтоб на белой отсечке с угла
Круговидная тень гербовая
Нашей Родины мёртвой легла.

Всё напрасно.
Уж если взлетела —
Не присядешь, но круче взлетишь,
Так что камнем ко дну онемело
Упадёт слобожанский Париж.

И кренился тренога со скрипом,
Чтоб тебя подхватить на лету —
Терракотовым дагерротипом
В чёрном бархатном паспарту.

Памяти В. М. Мотрича

Чем владел — не оценил и в грош.
Грянул в угол тяготу постылу.
«Хрен догонишь!» — то ли «Хрен найдешь!» —
Красным дёгтем навалял я с тылу.

Долг уплачен хлебу и ножу,
И тюрьме-суме неизносимой.
Оттого и дерзостно гляжу
В гипсовые очи Мнемозине.

Быть тому, чего не миновать.
Мне в бегах, Владычице, споборствуй:
Наглой смерти смрадная кровать,
А над нею — светлячок Фаворский.

В небесах — золотая чешуя
Сыплется бекетовской лепниной,
А внизу — гуляем ты да я
Вдоль по главной, мостовой, любимой.

В Петербурге дальнем не убит —
Только тронут пулею шальнойю,
Алексан' Сергеевич стоит
К Николай' Васильичу спиною

(Сюртука — что, помнишь? — прободен
С той январской неутешной вьюги).
Ты высок и строен — и согбен,
И дрожишь от лютой похмельюги.

Но в земле отецкой — ни твоя,
Ни моя вина не виновата.
И стаканом крепкого питья
Здесь утешат страждущего брата.

Чти ж стихи нам, как бывало встарь,
Где слова — в улёте безотрадном,
Где недаром уличный фонарь
Назван был — *усталым оркестрантом*,

Где надменья дымного и слез
Тайная сумесица излита —
Аж под самый Живоносный Крест,
обличая Русского Пиита.

.....

Твой *espresso* — горек был и густ.
Язвы плоти — вычернены йодом.
И взлетел ты — словно пух от уст
Ангела с подствольным огнемётом.

Элегия

Слышу пѣнье жаворонка,
Слышу трели соловья.
Это Русская сторона,
Это Родина моя.
Федоръ Савиновъ

В магазине «Культтовары»,
Там, где чёрные круги,
Где фанерные гитары
И доспехи из фольги,
Ятаганы из картона,
Где чугунная глава
Шепчет глухо и бессонно
Непотребные слова,
Там, где лампочки цветные, —
Там и я во дни былые
Под крученье тех кругов
Слушал песни удалые,
Пил вино — и гнал врагов.

То вино в стакане древнем, —
Красный сахар, белый спирт, —
Словно мёртвая царевна
В хрустале своём, — не спит!
Те враги — друзья до гроба,
Верность братскую храня,
Исподлобья смотрят в оба
Из кромешного огня:

Дожидаются меня.

Слышу пенье Мулермана,
Ярый клёкот бытия,
Гул великого обмана:
Это — молодость моя.

Чёрного крученье круга —
Подноготную мою,
Богоданная подруга, —
Всё тебе передаю:
Стогны града, мостовые,
Истуканы у реки,
Подворотни чумовые,
Стрёмные парадняки,
Ропот камня, бой металла
О небесные края.

Это Русская Валгалла.
Это — Родина моя.

На разрушенное старое кладбище в Харькове, именуемое «Молодёжный парк»

...Вновь я посѣтилъ...

Пушкинъ

Тем же примерно шрифтом, что некогда *там*
На папиросной коробке писали слово «Казбек»,
Здесь на цементной глыбе начертано:

«Смерть москалям».

«И жидам», — добавил ниже рачительный человек.

Это вполне разумно в отношении тех и других,
Равно и прочих третьих— всё сходится по нулям, —
Тобою не упомянутых: осѣдлых и кочевых,
Горных, лесных, равнинных, посадских и поселян.

Видь во гробех лежашу безславу их красоту.
Правда твоя. Однако что же ты медлишь, милоч?
Надо бы всех перечислить — и подвести черту
Так, чтобы в прах искрошился краеугольный мелок.

Раз уж ты посягнул заглядеться в подобную тьму,
Не закосни! — откликнись на неотступный зов.
Ухо приставь к цементу: по перечню твоему —
Чуешь? — земля расселась и отдаёт мертвецов.

Или в себя принимает, согласно реестру.

А нам

Светит фонарь надвратный сквозь увлажнённую бязь.
Времени больше не будет. И мы поспеваем во храм
Усекновенский, нисколько не торопясь.

На разговоры с земляком о родимой сторонке

Где эта улица, где этот дом,
Где эта барышня...

Разве меня тяготит мёртвая верности ноша?
Нет. Надоело терпеть собственный жалобный вой.
Я — никуда не вернусь. Ты — никуда не вернёшься.
Лучше смолчи. Не позорься. И не мотай головой.

— Мы изолгались дотла. Мы закоснели в обмане.
— Ты на меня не сердчай, я-то тебя — не виню.
— Ты мой погост — осквернил, речку мою — испоганил.
— Трупы твоих тополей сгнили во мне на корню.

Ночью мешают заснуть звуки притворного плача:
Сердце рыдает и врёт, будто готовится в путь.
Барышню звали — не так, улицу звали — иначе,
Дом был снесён под шумок. Перекрестись — и забудь.

Все государства российского царствования (слобожанская народная песня)

Эх да.
Эх д' никуда я не поеду,
Эх д' не пойду я никуда,
Ни в Понизовье, ни в Задонье,
Ни в Замосковны города,

Ни во Литовскую украйну,
Ни во Заоцкие края —
Бо я ж родился в Диком Поле,
И тамо, знать, и сгину я.

Тамо, где струится Ворскла,
Где пылит Муравской шлях,
Эх д' тамо каменные девки
С письменами на грудях,

Пялят очи ледяные
Эх д' на ту закатну медь.
Знать, меня Господь сподобил
Те письма — уразуметь.

Тамо, где Царёв-Борисов
На Осколе на реке,
Тамо скачет мёртвой рыцарь
С чёрной раной на виске.

И таково он тихо скачет,
И таково он крепко спит,
Что ни кольчугой не возгрянет,
Ни костями не возгремит.

Тамо, где птицы вогнезятся,
Да воспоют Польску́ю Русь,
Эх, тамо в Поле, в Диком Поле
Я белым саваном завьюсь.
Эх д' тамо в Поле, словно в море,
Я солью белой растворюсь.